

Род дьяков Мишуриных в XVI веке

Алексей Мазуров

Мишурины – один из известнейших дьяческих родов XVI столетия. Впервые на них обратил внимание в своей работе о разрядных дьяках Н.П. Лихачёв¹. Ценную сводку о представителях этого рода (дьяках и подьячих) дал С.Б. Веселовский, а вслед за ним – А.А. Зимин и В.Б. Кобрин². Мишурины не были внесены в родословцы, хотя их генеалогия представляется важной для понимания как общих закономерностей государственной службы в России XVI–XVII вв., так и конкретной истории возвышения, придворных служб и упадка рода.

Генеалогия Мишуриных восходит к концу XIV столетия. В государственном Синодике Успенского собора Московского кремля упомянут убитый 5 декабря 1437 г. в Белёвском бою между великокняжескими войсками и ордой Улу-Мухаммеда Фёдор Мишурин³. Поскольку он следует ближе к концу списка из 60 имён, можно думать, что Фёдор был в числе вольных слуг великокняжеского двора. Отцом Фёдора и родоначальником всей фамилии являлся человек с редким именем Мишура (по-видимому, вариант от Миша, Михаил)⁴, который жил во времена Василия I. Фамилия Мишуриных была образована от имени предка патронимическим способом, что было специфично для средневековой Руси. Предположительно, у Фёдора был неизвестный по имени сын, а у последнего – сын Михаил. В актовом источнике последний не упоминается, но мы знаем о его существовании по отчествам представляющих четвёртое колено рода братьев Мишуриных, а также из монастырских поминаний. Именно с этого Михаила, женой которого была некая Ирина, начинается «память» Мишуриных в синодиках XVI в.

Во второй половине XV в. – самом начале XVI в., при Иване III, мы не видим Мишуриных ни среди придворных, ни среди ответственных исполнителей воли великого князя, нет их и среди волостелей. Иначе говоря, они не входили даже в средний слой служилых землевладельцев. Потомки Фёдора Мишурина опустились в категорию местных малоземельных вотчинников. Очевидно, его внук Михаил Мишурин являл собой типичного представителя самой многочисленной нижней страты младших военных слуг – сыновей боярских. Его земельные владения, как можно думать на основании более поздних данных, располагались в Коломенском и Переяславль-Рязанском уездах. Зато все пять

© 2013 г. А.Б. Мазуров

¹ Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 2007. С. 163.

² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 344–345; *он же*. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 220; Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 253–254; *он же*. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 413–414; Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 50–51, 107.

³ Памятники истории русского служилого сословия (далее – ПИРСС). М., 2011. С. 171.

⁴ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 176. Поминания в синодиках рода Мишуриных всегда начинаются с Михаила.

сыноией Михаила совершили резкий рывок вперёд и буквально ворвались в политическую элиту в правление Василия III. Примерную очерёдность появления их на свет можно определить по времени первого упоминания в источниках⁵. Обычным порядком выслужиться им было довольно трудно. Возможности для карьеры давала лишь малопривлекательная в глазах общественного мнения служба в государственном аппарате подьячими и дьяками.

Самым выдающимся и известным из всех Мишуриных был старший сын Михаила Фёдор. Его казнь в 1538 г. была первой публичной политической расправой эпохи правления Ивана Грозного. Восемилетний великий князь, на глазах которого это произошло, навсегда запомнил данное событие. Позднее, в послании кн. А.М. Курбскому, царь вспоминал: «А князь Василий Шуйский на дяди нашего княж Андрееве дворе учал жити, и на том дворе, сонмищем иудейским, отца нашего и нашего дьяка ближнего Федора Мишурина изымав, и, позоровавше, убили»⁶. Впечатление, произведённое на современников этим незаконным («без государственного веления») судилищем, было велико. Особенно важно, что Ф.М. Мишурина современники воспринимали как радетеля за государственные интересы. Так, в Хронографической летописи по поводу его гибели сделана следующая запись: «бояре казнили дьяка Феодора Мишурина без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»⁷.

О Ф.М. Мишурине немало написано и в трудах историков⁸. Введение в оборот новых источников позволило уточнить и дополнить некоторые важные вехи его политической биографии. Впервые на исторической сцене он появляется в конце второго десятилетия XVI в. Как один из дворцовых слуг, Фёдор в 1517/18 и 1519/20 гг. принимал в казну денежный оброк за мёд с деревни и починков Троицкого Белопесоцкого монастыря в Каширском уезде⁹. С.Б. Веселовский

⁵ Этот метод может давать сбои. Однако других оснований для установления старшинства из-за скудости источников нет. Некоторых Мишуриных не удалось идентифицировать. Так, например, в Синодике XVI в. Троице-Сергиева монастыря в 5-й статье наряду с Ф.М. Мишуриным и его золовкой Евдокией упомянут некий инок Варлаам Мишурин. Кто это – неизвестно (РГБ, ф. 304. I, № 40, л. 11–12).

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 28, 76, 138, 390.

⁷ Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 288.

⁸ Помимо указанных работ Лихачёва, Веселовского, Зимина и Кобрин назовём также: Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958; Крам М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. Специально о Фёдоре Мишурине см.: Богусловский В.В. Мишурин Ф.М. // Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. Т. 1. М., 2005. С. 738. Особенно интересна статья: Савосичев А.Ю. Дьяк Фёдор Мишурин: судьба приказного бюрократа XVI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История. 2009. № 3. С. 76–87. Исследование сюжета о смерти дьяка в миниатюрах лицевых летописей: Шмидт С.О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 265–281.

⁹ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России (далее – АГР). Т. 1. Киев, 1860. № 57. С. 96. Для определения примерного времени начала служб Ф.М. Мишурина важно учесть известие «Описи хранилища Чудова монастыря 1775 г.». Там под № 72 хранилась ветхая жалованная грамота великого князя Василия III архимандриту Феогносту на села в Московском уезде от 21 марта 1506 г. за подписью на обороте самого великого князя и великокняжеского дьяка Фёдора Мишурина (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI столетия. Т. III. М., 1964. С. 73). Едва ли столь ранним временем можно датировать дьячество последнего. Видимо, речь идёт о подтвердительной подписи дьяка 1533–1534 гг.

трактовал эти факты как указание на дьячество Ф.М. Мишурина¹⁰. Вряд ли это так. Скорее, прав А.Ю. Савосичев, полагавший, что он был одним из многих дворцовых слуг (ещё не дьяком)¹¹. Можно думать, что Фёдор родился в конце XV в., ориентировочно около 1490-х гг. Примерно десятилетие он, вероятно, служил в подьячих, пока не получил повышения по службе во Дворце. В 1524 г. Фёдор уже был дворцовым дьяком. В этом качестве он подписал документы по тяжбе властей Троице-Сергиева монастыря с крестьянами Гавинской волости Суздальского уезда о пожнях возле села Гастева¹². В мае 1525 г. как дворцовый дьяк Мишурин отправился на подворье к польскому посланнику потчевать его после государева стола¹³. В 1526 г. на свадьбе Василия III он был у платья великого князя. В 1529 г. подписал судный список по спорному делу относительно земель в Гороховецкой волости Нижегородского уезда¹⁴. В 1532 г. он ведал поземельными делами на Двине¹⁵.

Ф.М. Мишурин был состоятельным человеком. Из завещания протопопа Благовещенского собора Московского кремля и духовника Василия III Василия Кузьмича (1531/32 г.) становятся известны интересные детали. Дворцовый дьяк Фёдор Михайлович ссудил ему немалую сумму в 50 руб. Дело не столько в личных контактах протопопа и дьяка, сколько в служебных отношениях. Ведь придворный Благовещенский собор «ведался» во Дворце¹⁶. 21 июля 1538 г., незадолго до своей трагической гибели, Мишурин дал крупный (в два раза превышающий стандартную сумму на вечное поминание) вклад в Троице-Сергиев монастырь в 100 руб.¹⁷

В 1530-е гг. Ф.М. Мишурин вошел в число «дьяков великих». В период болезни Василия III в 1533 г. он попал в состав предсмертной думы, т.е. стал «думным» дьяком. Вместе с дьяком Меньшим Путятиным, у которого он был в «товарищех», Фёдор Михайлович получил повеление Василия III «писати духовную свою грамоту и завет о управлении царствия». По своему служебному статусу Мишурин занимал тогда второе положение в дьяческом корпусе.

Мы имеем редкую возможность увидеть своеобразные «портреты» нашего героя. Сохранились два его изображения в миниатюрах Царственной книги, изображающих предсмертные дни Василия III (л. 29 и 29 об.), на которые в своё время обратил внимание С.О. Шмидт¹⁸. При всём их символизме, они заслуживают рассмотрения. Изображены два дьяка – Меньшой Путятин и Федор Мишурин. Дьяки эти бородаты, в русских шапках, в одежде, заметно отличающейся от боярской. Они облачены в кафтаны со шнурами на груди и драгоценной опушкой внизу, а на одном из листов летописи – ещё и в корзно (дорогих плащах). Профессиональный статус подчеркнут тем, что на коленях они держат свитки-столбцы с текстом духовной грамоты Василия III. Это важ-

¹⁰ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 344.

¹¹ *Савосичев А.Ю.* Указ. соч.

¹² Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 230, 233. С. 234, 237.

¹³ *Савва В.И.* Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник. Ч. I. М., 1983. С. 83.

¹⁴ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. (далее – АСЕМ). М., 1998. № 29. С. 78.

¹⁵ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 19. С. 39; Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. II. СПб., 1875. № 35. С. 40.

¹⁶ *Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 203, 207.

¹⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 65.

¹⁸ *Шмидт С.О.* К истории лицевого летописания... С. 276.

ная и достоверная бытовая деталь – именно так писали и переписывали набело грамоты в приказах. Перья они держат в руках, на столах стоят чернильницы, причём рядом с ними лежит печать. Всё перечисленное – некие символы влиятельного и состоятельного дьячества.

Положение Ф.М. Мишурина после кончины Василия III только укреплялось. Первенствующий дьяк М. Путятин по каким-то причинам попал в опалу и был «подаван на поруки»¹⁹. Фёдору на короткий срок удалось выдвинуться на первую позицию. Как опытному придворному ему доверили проверку и подтверждение иммунитетных грамот, что было важным государственным мероприятием, требовавшим большой тщательности и знания дела. Как подсчитал Савосичев, в 1533/34 г. от имени Ивана Васильевича были подтверждены 114 докладных, жалованных, правых и указных грамот. Из них основную массу (84 документа) в январе–марте 1534 г. обработал Ф.М. Мишурин. Грамоты одного иммуниста рассматривались и оформлялись без всякой волокиты, хорошо известной по приказам позднейшего времени, и очень быстро: в течение 1–3 дней²⁰. Через его же канцелярию проходила выдача новых жалованных грамот (5 из 6 известных за данный период).

После смерти Василия III Ф.М. Мишурин гораздо чаще и в высоком статусе фиксировался на дипломатических приёмах, что означало вхождение в узкий круг причастных к осуществлению внешней политики Русского государства. Почти исчерпывающий обзор сведений о его внешнеполитической деятельности приведён В.И. Саввой²¹. Исследователь отметил, что Федор Мишурин пришёл в Посольский приказ на замену дьяку Третьяку Ильину, став помощником уже упоминавшегося М. Путятина. Сразу после смерти Василия III к шведским послам были посланы с ответом И.Ю. Шигона-Поджогин с дьяками Меньшим Путятиным и Фёдором Мишуриным²². На протяжении 1533–1538 гг. не было ни одного года, когда бы последний не участвовал в посольских церемониях, касающихся отношений с Литвой и Польшей, Крымским ханством, Ногайской ордой. Это были приёмы, встречи, участие в работе ответной комиссии и комиссии для выслушивания речей. Он принимал грамоты и сам выступал с речами, выслушивал шертные грамоты, выдавал деньги за украденных лошадей. Везде он был вторым после более высокого по положению дьяка Меньшого Путятина (тот сумел восстановить своё положение после опалы 1534 г.), участвовал вместе с ним в составлении текста перемирных грамот с Литвой в 1538 г., с которой при их непосредственном участии был заключён важный договор о 5-летнем перемирии. Важно отметить, что Фёдор, радея о государственных интересах, активно участвовал в делах. В январе 1537 г. при обсуждении договора он высказал своё особое, не согласное с председательствующим боярином М.Ю. Захарьиным, мнение о границах Себежской волости, что отразилось в источниках²³. Вместе с Путятиным он встречал изгнанного казанского хана Шейх-Али в самом начале 1536 г.²⁴ В том же году к могущественному И.Ф. Овчине Телепнёву-Оболенскому приехал человек от влиятельнейшего литовского

¹⁹ Савва В.И. Указ. соч. С. 86.

²⁰ Савосичев А.Ю. Указ. соч. С. 82.

²¹ Савва В.И. Указ. соч. С. 83–86.

²² Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 245. Этот факт остался неизвестным В.И. Савве.

²³ Там же. С. 83–84.

²⁴ ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904. С. 102, 425.

магната пана Ю.Н. Радзивилла. Чтобы узнать доставленные вести, от имени малолетнего великого князя к Телепнёву были посланы тверской дворецкий И.Ю. Поджогин, дьяки Меньшой Путятин и Фёдор Мишурин²⁵.

Официальные свидетельства высокого служебного положения и вхождения в политическую элиту 1530-х гг. нашего героя дополняются выразительными и не менее важными частными деталями. По данным беглецов в Литву из Пскова в 1534 г., все дела «справуют» в Москве шесть дьяков, среди которых был поименован и Ф.М. Мишури. В ходе Стародубской войны часть знатных русских попала в плен, где им дозволили написать несколько писем самым «сильным» людям в Москве. Так, в январе 1536 г. один из представителей обширного клана князей Оболенских в числе своих адресатов отправил письмо и Фёдору Мишури²⁶. Именно к последнему вначале прислали известие о мятеже удельного князя Андрея Ивановича Старицкого. Сохранилось две версии источников о начале этого «мятежа». Воскресенская и Никоновская летописи сообщают, что член Старицкого двора кн. Голубой-Ростовский послал своего человека Ерёмку тайно ночью к кн. И.Ф. Овчине-Оболенскому с информацией о предполагаемом побеге Андрея Ивановича²⁷. Неофициальная по происхождению и более подробная «Повесть», опубликованная М.Н. Тихомировым, утверждает, что Ерёмка приехал сначала «к великого князя дьяку к Федору к Мишури с той вестью, что князь Ондрей Иванович пошел из Старицы»²⁸. И.И. Смирнов полагал, что более точные сведения (в частности, детали: слуга пришёл ночью, сообщил лишь о намерении бежать) содержится в официальном летописании²⁹. Однако можно предположить, что составитель «Повести», хотя и не владел всей полнотой информации и в чём-то ошибался, но сохранил важную деталь: гонец сначала приехал к Мишури, а уже потом был представлен Овчине-Оболенскому.

Все факты говорят о том, что Фёдор Михайлович входил в число дьяческой верхушки наряду с М. Путятиным (1510–1541 гг.), А.Ф. Курицыным (1520–1537 гг.), Е. Цыплатевым (до 1540 г.), Т. Раковым (1522–1542 гг.)³⁰, которые, отодвинув вельмож, не только руководили всем делопроизводством государственного аппарата, но и оказывали заметное воздействие на выработку самого направления правительственной деятельности. Принципиально важно, что в середине 1530-х гг. одновременно с ним служили в дьяках ещё 4 его брата, а в подьячих – сын. Иначе говоря, Фёдор Мишури был главой мощного дьяческого клана.

В период «безгосударства», после смерти Елены Глинской, он занял сторону князей Бельских и других Гедиминовичей. Осенью 1538 г. между противоборствующими боярскими группировками Бельских и Шуйских возник конфликт. И.Ф. Бельский хотел добиться у малолетнего великого князя пожалования в бояре кн. Ю.М. Голицына-Булгакова и в окольничие – И.И. Хабарова. Вопрос обсуждался на боярском совете в присутствии митрополита Даниила. Князя Василий и Иван Шуйские, в отсутствие которых прошло данное ходатайство,

²⁵ Там же. С. 108.

²⁶ Кром М.М. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. Приложение 3, № 1.

²⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 94.

²⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 222.

²⁹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 60–61, примеч. 32.

³⁰ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 194.

были разгневаны и выступили резко против. Их сторонники «без государственного веления» арестовали Бельского и его советников, а М.В. Тучкова отправили в ссылку. В понедельник 21 октября 1538 г. на том дворе, где жил кн. В. Шуйский, был арестован и дьяк Фёдор Мишуриин. Можно думать, что сторонники князей Шуйских насильно доставили его туда и потребовали объяснений. Верные Шуйским княжата, дети боярские и дворяне ободрали Федора Михайловича, а затем совершенно нагого (это крайняя степень надругательства; обычно казнили в нижней или даже в верхней одежде) повели к тюрьмам, где на плахе отсекали голову. Сохранились изображения описанного эпизода в лицевых летописях, причём в них подчёркнут немолодой возраст дьяка (он показан с бородой)³¹. Поскольку сосланный боярин Тучков и казнённый дьяк Мишуриин числились душеприказчиками Василия III, расправа с ними была равнозначна, по замечанию Р.Г. Скрынникова, государственному перевороту³².

Малолетний Иван IV, на глазах которого произошло это злодеяние, после обретения полноты власти решил посмертно воздать должное своему верному слуге. Старший сын казнённого Иван, судя по Тысячной книге, получил какие-то земли под Москвой³³. Из Писцовой книги 1577/78 гг. по Коломенскому уезду мы узнаем, что вдова Фёдора Анна владела большой вотчиной в волости Раменке – селом Кочема с 1.5 сельцами, 20 деревнями, 2 починками и 4 пустошами³⁴. В том же источнике содержится указание, что Кочема до того была поместьем Юрия Ширина. Иначе говоря, село из государственного поместного фонда было пожаловано в частные руки (как вотчина), причём в руки женщины. Почти наверняка можно утверждать, что Иван Грозный, высоко ценивший Фёдора Мишурина и помнивший детали расправы над ним, этим даром отблагодарил вдову своего «друголюбного советника». Анна не менее чем на 40 лет пережила своего мужа и скончалась в очень преклонных летах. Свои владения она разделила между внуками Семёном и Михаилом.

В 1530-х гг. в клан дьяков Мишуриных помимо Фёдора Михайловича входил его брат – Василий Обрюта. Прозвание «обрюта» было получено им в детстве. Оно означает либо «золотушный ребенок», либо «толстый щенок или иное молодое животное»³⁵. В источниках Василий впервые упоминается в сентябре 1523 г., когда был послухом у кабалы кн. Мезецкого³⁶. На этом основании можно думать, что родился Обрюта около 1500 г. или чуть ранее. В июле 1524 г. он служил в посельских, входя в прослойку провинциальных администраторов – «слуг под дворским». Сохранилась указная грамота великого князя Василия III во Владимир Обрюте Мишурину и Афанасию Подосену об обыске слободки, спорной между монастырём и бортниками³⁷. Вскоре при помощи

³¹ Там же.

³² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 172.

³³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века (далее – ТКиДТ). М.; Л., 1950. С. 66.

³⁴ Писцовые книги Московского государства (далее – ПКМГ). Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 524–525.

³⁵ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 226. Н.П. Лихачёв считал, что прозвище Обрюта носил Темир (Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 163). Ошибочность такого отождествления доказывается вкладом Василия Обрюты в Троице-Сергиев монастырь по своём брате Темире. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 65.

³⁶ Акты Русского государства. Т. 1. № 219. С. 221.

³⁷ АСЕМ. № 23. С. 52.

своего старшего брата он перешёл на службу в Москву, в великокняжеский Дворец. Почти 20 лет Обрюта был дворцовым дьяком. Впервые в этом качестве он фигурирует как послух при меновной грамоте на деревню в Белозерье Василия III и властей Кирилло-Белозерского монастыря в феврале 1530 г.³⁸ В начале 1537 г. вместе со своим братом Фёдором он встречал литовских дипломатов во время аудиенции у великого князя. В это время он служил под началом большого дворецкого кн. И.И. Кубенского вторым дворцовым дьяком. В 1542 и 1549 г. на приёмах польских послов дворцовый дьяк В.М. Обрюта Мишуриной потчевал посольских людей, не попавших на пир у государя. Из дьяков в списке он идёт уже первым³⁹. Согласно описи Царского архива XVI в. в 117 ящике хранилась тетрадка, «что приказал князь великий дьякам Е. Цыплятеву да Т. Ракову да Обрюте Мишуриной давать грамоты псковичем к наместнику и к дьяком и иные списки розные»⁴⁰. Вероятно, речь идёт о событиях 1540 г., когда власть наместников и прочих чиновников в Пскове была урезана и псковичи получили ряд привилегий от правительства⁴¹. Обрюта зимой 1549 г. принимал участие в пире Ивана IV для польских послов в Золотой палате. В том же году был первым дьяком на суде (возглавляемом боярином Даниилом Романовичем) между чёрными крестьянами в Белозерье⁴². Обрюта был очень богат и сделал несколько вкладов в крупнейшие монастыри, в том числе в Троице-Сергиев (в 1537 г. – 50 руб., в 1541 г. – 40 руб. по жене Евдокии, происхождение которой неизвестно, в 1546 г. – 50 руб. по брату Темирю). Помимо денег в Троицу был вложен также уникальный дар – покров («камка лазорева, на нем вышит образ великого чудотворца Сергия, венец шит золотом»). На этом редком образце лицевого шитья по периметру был исполнен («выбит») из сусального золота тропарь преподобному⁴³. Аналогий данному произведению искусства по технике исполнения тропаря не «золотными нитями», а сусальным золотом, среди известных артефактов древнерусского шитья нет. Несомненно, он был заказан в одной из княжеских или боярских мастерских за значительную сумму. К большому сожалению, покров Обрюты Мишуриной не сохранился до наших дней⁴⁴. Ещё один вклад Василия Михайловича, на сей раз в Кирилло-Белозерский монастырь (поименован как «Борюта», вложил 30 руб.), позволяет уточнить время его кончины. Запись сделана в 1560 г., причём Обрюта был ещё жив и носил мирское имя⁴⁵. Свою жизнь Василий окончил в монахах Старо-Голутвина Богоявленского монастыря под Коломной, приняв иноческое имя Варсонофия. Сюда он вложил драгоценный образ Богородицы в киоте⁴⁶. Скончался он где-то в 1560-х гг., поскольку Писцовая книга по Коломне 1577/78 гг. говорит о нём как об умершем.

³⁸ РИБ. Т. II. СПб., 1875. № 35. С. 39.

³⁹ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 59. СПб., 1887. С. 149, 266; *Лихачёв Н.П.* Указ. соч. С. 35.

⁴⁰ Акты археографической экспедиции. Т. I. С. 344; *Лихачёв Н.П.* Указ. соч. С. 86.

⁴¹ *Яковлев В.В.* Новгородско-псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб., 2001. С. 431–432.

⁴² АГР. № 63. С. 117.

⁴³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 65.

⁴⁴ *Манушина Т.Н.* Шитьё Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983.

⁴⁵ *Алексеев А.И.* Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. № 3–4 (19–20). 2010. С. 17–117; РНБ, Соф. 1152, л. 82 (благодарю за уточнение ссылки А.И. Алексеева).

⁴⁶ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 66–67.

Третий сын Михаила – Игнатий Дурак. Имя-прозвище «Дурак» являлось оберегом и должно было предохранять его носителя от сглаза, порчи и, в особенности, слабоумия. Примерное время его рождения – около 1500–1505 гг. В 1526 г. Игнатий на третьестепенных ролях принимал участие в церемонии бракосочетания Василия III. 8 ноября 1532 г. он уже как дьяк великого князя дал вклад в Троице-Сергиев монастырь в размере 50 руб.⁴⁷ Это несколько уточняет время его дьячества (по С.Б. Веселовскому, он был дьяком в 1535–1539 гг.⁴⁸). Известны три судных списка 1535, 1536 и 1538–1539 гг., подписанные Игнатием Мишуриным как дьяком⁴⁹. Он заказал поминания по своим родителям в синодик Успенского собора Московского кремля, Московского Богоявленского (где обозначен «Род Третьяка Мишурина», что подтверждает предположение о том, что он был именно третьим сыном)⁵⁰ и Коломенского Старо-Голутвинского монастырей⁵¹. В ноябре 1541 г. подписал купчую на деревню в Суздальском уезде (на этом документе имеется скрепа «диака Дурак») ⁵². Дьяческая карьера Игнатия завершилась в самом конце 1546 г. В декабре планировался выезд Дурака Мишурина с комиссией в Углич и Бежецкий Верх для смотра царских невест. Однако его поездка не состоялась. В перечне дьяков конца января 1547 г. Дурак Мишурин оказался почернён и в свадебных торжествах, очевидно, не участвовал⁵³. В 1560 г. Игнатий вложил в Кирилло-Белозерский монастырь 15 руб.⁵⁴ Как и брат Василий, после этой даты он также постригся в монахи коломенского Голутвина монастыря, приняв монашеское имя Исайя. Вклады инок Исайи туда были очень обильны: комплект икон на золоте, стихарь, книга Кануник в полдсть на бумаге⁵⁵. Особенно ценными были его дарения недвижимости и наличных денег: «вотчина сельцо Спасово да 100 руб. денег, да вотчина Петрово в Унженском стане в Муромском уезде»⁵⁶. Скончался Игнатий-Исайя бездетным где-то в 1560 – начале 1570-х гг. (десятью 1577 г. и писцовая книга Коломенского уезда 1577/78 гг. его уже не упоминают).

Возможно, четвёртым сыном Михаила был Андрей. Сохранилось обширное дело о земельном споре чёрных крестьян и Пречистенского монастыря в Белозерье, начатое в первой половине 1530-х гг. и завершённое лишь в 1541 г. Первый судный список по нему подписал ещё при Василии III дьяк Фёдор Мишурин. Из документа следует, что Андрей Мишурин (к сожалению, везде

⁴⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 65.

⁴⁸ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 344.

⁴⁹ АГР. № 45. С. 52; № 46. С. 55. РИБ. Т. II. № 186. С. 791, 793.

⁵⁰ *Алексеев А.И.* Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* Вып. 4. СПб., 2001. С. 21.

⁵¹ Судя по наличию или отсутствию монашеских имён, записи в синодиках Успенского собора и Богоявленского монастыря относятся к 1560-м гг., когда Игнатий ещё не был монахом, и до смерти его брата Василия-Варсонофия Обрюты. Записи в синодике Старо-Голутвина монастыря произведены после смерти последнего и до пострижения самого Игнатия, где-то на рубеже 1560–1570-х гг.

⁵² АСЕМ. № 49. С. 110.

⁵³ *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI века // *Вопросы истории.* 1976. № 10. С. 113, 117, 121.

⁵⁴ *Алексеев А.И.* Первая редакция Вкладной книги...; РНБ, Соф. 1152, л. 82 (благодарю за уточнения А.И. Алексеева).

⁵⁵ *Города России XVI века...* С. 66–67.

⁵⁶ *Мазурова Н.Б., Мазуров А.Б.* Синодик коломенского Старо-Голутвина монастыря начала XVIII века как исторический источник // *Вестник Коломенского государственного педагогического института.* Коломна. 2007. № 1(2). С. 74.

именуемый без отчества) «по слову великого князя» был первым из двух судей и разъездчиков на одном из этапов этого спора. Андрей Мишуриин проявил честность и принципиальность, оправдав крестьян, и пересмотрел приговор прежних судей дьяка Никифора Лихачёва с товарищем. В пользу крестьян была взыскана солидная компенсация. Монастырским старцам и прежним судьям следовало заплатить в их пользу по 1000 четвертей ржи и овса (что составляет 96 т хлеба). «Пересуд» произошёл около 1536 г. и привёл к столкновению в Москве двух дьяческих кланов – Лихачёвых (Н. Лихачёв защищал старцев) и Мишуриных (Андрей Мишуриин поддержал крестьян). Спор между двумя составами судейских комиссий пришлось разбирать дворцекому кн. И.И. Кубенскому, который подтвердил правоту А. Мишурина. Дело разбиралось в драматическом для Мишуриных 1538 г., когда погиб старейший в их роде Фёдор Михайлович. Правая грамота по разбирательству Кубенского была выдана уже в 1539 г.⁵⁷ Никаких других данных об Андрее Мишуриине не сохранилось.

Пятый сын Михаила Мишурина – Темир. Сохранились документы, касающиеся его вещных прав. Известно, что он купил за семь рублей у властей Симонова монастыря богатую шубу («с камкою венецискою» – покрытую венецианской тканью, и «на черевех на белых», т.е. подбитую беличьим, с животов, мехом), вложенную Фёдором Михайловичем Кучецким⁵⁸. Последний был сыном боярским при постельничем, присутствовал при смертях Ивана III и Василия III и упоминался в промежуток 1495–1533 гг. По-видимому, покупку шубы Темиром надо отнести к 1530-м гг. Когда-то Темир Мишуриин одолжил кн. М.В. Горбатову коня. По духовной грамоте последнего 1534/35 г. душеприказчики должны были дать за него «цену, что за конь Темир скажет»⁵⁹. В январе 1537 г. он уже являлся дворцовым дьяком, будучи приставом у польско-литовских послов⁶⁰. Скончался ранее 1546 г., поскольку тогда брат Темира Василий Обрюта сделал вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь.

Следующее поколение Мишуриных представлено в основном сыновьями Фёдора Михайловича. Насколько можно судить по источникам, их у него было не меньше четырёх: Алексей, Иван Большой, Семён, Иван Меньшой (возможно, также Фёдор – см. генеалогическую роспись). Раньше всего в документах упоминается Алексей, который в октябре 1537 г. служил в подьячих. Его направили с инструкцией к посланцу в Польшу⁶¹. Дату рождения Алексея можно обозначить примерно около 1515 г. Очевидно, к службе его привлёк находившийся в силе отец. То ли Алексей погиб вместе с отцом через год, то ли рано умер – в более поздних актах о нём не упоминается. Тем не менее это важный штрих к семейной истории Мишуриных. И братья Михайловичи во главе с Фёдором, и их сыновья шли в приказную бюрократию, начиная службу с низов и поднимаясь наверх.

Иван Фёдорович Большой со своими братьями на страницы письменных источников попал относительно поздно. В 1550 г. Иванец Мишуриин (очевидно, ещё достаточно молодой человек) по Тысячной книге числился сыном

⁵⁷ АГР. № 55. С. 77–78, 80–82.

⁵⁸ Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 58 и прим. 191 на с. 113.

⁵⁹ АСЕМ. № 35. С. 78.

⁶⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 64–65. В указателях к этому тому спутаны под именем одного человека 4 разных персонажа.

⁶¹ Там же. С. 139.

боярским III статьи по Москве⁶². Родился он ориентировочно около 1525 г. В 1554 г. вместе с младшим братом Семёном послушествовал при купчей и докладной грамотах на покупку вотчины в Старорязанском стане Рязанского уезда⁶³. Братья были грамотны и оставили собственное рукоприкладство на документе. В середине 1550-х гг. Иван Большой записан с братьями Семёном (Сенкой) и Иванко Меньшим в Дворовой тетради как сын боярский по Коломне (в самом конце списка, в шестом десятке)⁶⁴. Такое невысокое положение было следствием службы в дьяках и подьячих родственников. Где-то в 1550-х г. Иван Большой взял в долг у Д.М. Плещеева рубль. Согласно духовной заимодавца 1562 г., душеприказчикам следовало «на Иване Мишурине взяти безкабально рубль»⁶⁵. В 1562 г. – поддатень (помощник) у рынд в Полоцком походе, те же обязанности исполнял в 1567 и 1570 гг. В 1566 г. он выступил в числе других поручителем по З.И. Очину-Плещееву. По меньшей мере, с апреля 1567 г. был в опричнине⁶⁶. В связи с проектом переноса в Вологду столицы, второй и третий сыновья Ф.М. Мишурина получили около 1567 г. небольшие поместья под Вологдой (около 150 четей в трёх полях). Это был знак особого благоволения монарха, ведь новые вологодские поместья должны были составить ближайших придворных на случай переноса столицы.

После новгородского похода Ивана Грозного и московских казней обстановка в стране особенно накалилась. Часто единственной возможностью сохранить жизнь становился постриг в монахи. По этому пути и пошёл Иван Большой. В 1571 – начале 1572 г. он составил духовную грамоту, приказав «душу свою государю царю и великому князю». К сожалению, это завещание не сохранилось. В феврале 1572 г. он дал по своим родителям в обитель преподобного Сергия Радонежского вотчину село Горки в Раменской волости Коломенского уезда⁶⁷. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря прямо указывает, что в это время он уже принял постриг под именем Ионы. Однако по каким-то причинам вклад не состоялся. Вероятно, запротестовали сородичи, пожелавшие сохранить родовое гнездо. Они воспользовались правом родового выкупа и удержали владение (в 1577/78 и в 1627/28 гг. Горки числятся за Мишуриными). Немного позже в писцовой книге Коломенского уезда 1577/78 гг. перечислены земельные владения Ивана Большого (он был ещё жив, но не служил, что подтверждает десятина 1577 г.): 2 села, 2 сельца и 26 деревень (около 700 четей земли). В городе Коломне у него был осадный двор по улице «от Пятницких ворот налево у городской стены», который охранял дворник Ивашко Иванов⁶⁸. Иван Большой имел неизвестную по имени дочь, вышедшую замуж за Третьяка Корсакова.

⁶² ТКиДТ. С. 66.

⁶³ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. № 23–24. С. 32–34.

⁶⁴ ТКиДТ. С. 161. К сожалению, В.Б. Кобрин спутал службы Ивана Большого и Ивана Меньшого (*Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 50–51).

⁶⁵ АГР. № 94. С. 275.

⁶⁶ *Зимин А.А.* Опричнина... С. 132.

⁶⁷ Памятники русской письменности... № 80. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря село Горки ошибочно определено как находящееся в Костромском уезде (очевидно, ошибка при переписке вместо правильного «Коломенского»). В справочнике та же ошибка (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 344).

⁶⁸ Города России XVI века... С. 28.

Семён Фёдорович появился на свет после 1525 г.⁶⁹ В ноябре 1554 г. он появляется в разрядных книгах как дворовый сын боярский на свадьбе кн. И.Д. Бельского. В царских походах на Тулу 1562 г. и Полоцк 1563 г. был поддатнем к меньшому саадаку (государеву луку со стрелами)⁷⁰. Как и старший брат Иван, в опричнине он был испомещён под Вологодой. В самом начале 1570-х гг. С.Ф. Мишуриин стал опричным дьяком, получив в феврале 1571 г. назначение в Новгород городovým дьяком, куда привёз воеводе грамоту о зачислении его в состав опричного двора (февраль–март 1571 г.) и взятии в опричнину Торговой стороны Великого Новгорода и двух пятин (Обонежской и Бежецкой)⁷¹. Несколько лет Семён был дьяком на опричной Торговой стороне, оказывая огромное влияние на жизнь Новгородской земли. Фактически он был главой местной администрации. В январе 1572 г. после царского приезда его монопольные права пошатнулись: он стал вторым дьяком, попав в подчинение дьяку В.С. Нелюбову-Сукову⁷². Сохранилось множество документов о новгородском периоде деятельности С.Ф. Мишурина (ему адресовались грамоты о порядке взимания пошлин в опричной части Новгорода, он занимался испомещением опричников в «государев удел» в пятинах и др.). Вскоре из городских дьяков он получил повышение и стал дьяком московским. В 1573 г. в качестве дьяка мы видим его на свадьбе принца Магнуса. Административные таланты и рвение по службе были замечены царём. В 1573/74 г. Семён Мишуриин возглавил одно из центральных ведомств Российского государства – Ямской приказ.

Это был пик его карьеры, которая вскоре трагически оборвалась. Согласно Соловецкому летописцу второй половины XVI в., после удаления Симеона Бекбулатовича в Тверь «не стало архиепископа новгородского Леонида, чудовского архимандрита Евстафия и диака Семена Мишурина и иных многих, а побиты они в государеве опале на Москве»⁷³. Это был, как установил Р.Г. Скрынников, так называемый «заговор» архиепископа Леонида и «колдуна» Бомелиуса 1576 г. С.Ф. Мишурина, видимо, скомпрометировали его новгородские связи. Казни состоялись на площади перед Успенским собором Московского кремля, причем подозреваемые были обезглавлены на глазах самого Ивана IV⁷⁴. В 1577/78 г. за уже казнённым Семёном Мишуриным и братией числился двор на Ильинской улице Коломенского кремля, который охранял дворник Омельяно Степанов⁷⁵. Семён имел вотчинные владения в Коломенском уезде, поместья в Шеренском стане Московского уезда и в Медыни.

Четвёртый сын Фёдора Михайловича Мишурина – Иван (Иванко) Меньшой, появившийся на свет не позднее 1525–1530 гг. Первое его упоминание находится в Дворовой тетради середины 1550-х гг. В 1563 г. в Полоцком походе он был поддатнем к меньшому саадаку. В походе на Литву и поездках царя в Троицу и Новгород 1567/68 г. – подрында к большому копыю, в 1571 г. в походе на Тулу – рында у копыя. В 1576/77 г. он записан в выборе по Медыни с окладом в 450 четей, вторым по статусу в уездной служилой корпорации⁷⁶. Вероятно,

⁶⁹ В.Б. Кобрин считал Семёна старшим из сыновей дьяка (*Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 50). Это неправильно – в Дворовой тетради первым записан Иван Большой.

⁷⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 199.

⁷¹ Новгородские летописи. Кн. 1. Рязань, 2002. С. 105.

⁷² Там же. С. 109.

⁷³ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 199.

⁷⁴ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 495–496.

⁷⁵ Города России XVI века... С. 29.

⁷⁶ Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 45.

в небольшой по размерам Медынский уезд, где у Мишуриных земель никогда не было, представитель коломенского по происхождению рода был испомещён как член опричного двора вскоре после царского указа об учреждении опричнины. По Коломенской писцовой книге 1577/78 г. он владел сельцом Старое-Должниково и селом Горки с деревнями в волости Раменке Коломенского уезда⁷⁷. В 1580-е гг. его оклад в Медыни достиг 700 четей, а сам И.Ф. Меньшой возглавил уездную служилую корпорацию⁷⁸. Он служил также в Посольском приказе и был отправлен гонцом в Крым⁷⁹. Туда он выехал в ноябре 1588 г., а возвратился 11 августа 1589 г., получив 12 июля 1589 г. поручение попутно отправиться гонцом на Донец. В списке дворян, намеченных в Шведский поход 1589/90 г., он также показан в выборе по Медыни. Ему в числе других дворян было указано явиться на Рождество Христово в Новгород⁸⁰. В 1590 г. в походе Фёдора Ивановича к Ругодиву и Ивангороду он был сторожевым головой. Вскоре Иван Меньшой перестаёт упоминаться в источниках, поскольку возраст его приближался к 70 годам. Можно думать, что скончался Иван Меньшой в последнем десятилетии XVI в.

Шестое колено рода Мишуриных представлял также сын Василия Обрюты – Семён Обрютин, живший в середине XVI в. Сохранился акт, датированный апрелем 1547 г., который он подписал в качестве дьяка⁸¹. Пожалованию в дьяки Семёна явно поспособствовал его отец – также высокопоставленный дворцовый дьяк. Последний раз Семён Обрютин зафиксирован в Дворовой тетради 1550-х гг. как дворцовый сын боярский по Москве с характерной пометой: «отставлен по болезни»⁸². Вероятно, вскоре он скончался.

Седьмое колено Мишуриных уже не занимало столь заметных постов в государственном управлении. Дальнейшее мужское потомство известно только от Семёна Фёдоровича Мишурина. Два его старших сына, Семён и Михаил, зафиксированы в десятне по Коломне 1577 г. как неслужилые новики в разряде дворцовых детей боярских. Они были вёрстаны «в первой статье в 300 четях во 8 рублях»⁸³. Вероятно, им обоим было около 15–20 лет. Получив первое в своей жизни половинное жалованье в 4 рубля, братья направились в войска на продолжающуюся Ливонскую войну. Вскоре в июле 1578 г. Семён был убит под Кесью⁸⁴. В 1594–1597 гг. его жена Марья с детьми и племянником владела крошечной деревней Сажневой в Каменском стане Переяславль-Рязанского уезда (в угодьях было всего 6 четей пашни)⁸⁵. Вскоре она умерла, и в Смутное время деревенька перешла к Алексею Семёновичу Мишурину, продавшему ее подьячему Б.Ф. Клементьеву⁸⁶.

⁷⁷ ПКМГ. С. 526–527.

⁷⁸ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 243.

⁷⁹ Там же; *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. С. 141.

⁸⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 339.

⁸¹ *Каишанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [часть первая] // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1957 год. М., 1958. С. 370.

⁸² ТКиДТ. С. 128.

⁸³ *Сторожев В.Н.* Десятни и Тысячная книга XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 8. М., 1891. С. 33–34.

⁸⁴ ПИРСС. С. 207.

⁸⁵ Писцовые книги Рязанского края. Т. I. Вып. 1. Рязань, 1996. С. 96.

⁸⁶ Затем деревеньку купил в 1618 г. Г.Е. Войников (Там же. Т. I. Вып. 3. М., 1998. С. 399).

Михаил Семёнович прожил более долгую жизнь. В боярском списке 1588/89 г. он показан в выборе по Коломне с окладом 350 четей⁸⁷. В намеченном на 1589/90 г. шведском походе он должен был идти «наперед», но показан как нетчик. Тем не менее служба его шла благоприятно. В начале 1590-х гг. он вновь выборный дворянин по Коломне, но уже с повышенным окладом в 550 четей⁸⁸. К началу XVII в. Михаила Мишурина уже не было в живых. Его женой была Анна, согласно данным записных вотчинных книг Поместного приказа – дочь Ивана Исленьева. Она унаследовала от своего мужа и его бабки солидное состояние: село Кочему с 9 деревнями и 7 пустошами и село Старое-Должниково. У Анны и Михаила был сын Кондратий, умерший не позднее начала 1620-х гг. Согласно списку дворян и детей боярских по Коломне 1623 г., Анна Михайлова жена Мишурина должна была выставить «даточных людей 3 человека на конях в саадацах, 3 человека на меринах с пищальми»⁸⁹. В 1623/24 г. Анна написала духовную грамоту и 25 октября 1624 г. явила её епископу Коломенскому и Каширскому Рафаилу. Двумя годами ранее она отдала своему племяннику С.И. Исленьеву два сельца: Конышево и Старое-Должниково с деревнями и пустошами в Раменской волости Коломенского уезда. Сделала она это в уплату долгов сына и своих собственных. 8 февраля 1625 г. она вложила в память по своим родителям 90 рублей в коломенский Старо-Голутвин монастырь⁹⁰. Скончалась вдова в первой половине 1628 г., так как дело о записи вотчины за С.И. Исленьевым датируется июнем–сентябрём 1628 г.⁹¹ В память самой Анны Степан Исленьев и протопоп Успенского собора Коломны Дмитрий дали Никольскому храму пустошь Тимохино родового села Горы⁹².

Третьим сыном Семёна Фёдоровича был Алексей. В боярском списке 1588/89 г. он показан выборным по Коломне с окладом в 350 четей (причём вписан между строк с пометкой «нет»). Через год он должен был собраться в шведский поход и выдвинуться «наперед», но туда не явился. В списке выборных по Коломне начала 1590-х гг. за какие-то провинности (неявки в походы?) его оклад был понижен до 300 четей. С таким окладом он оставался вплоть до 1602/03 г. В 1604 г. он принял участие в походе против самозванца в полку левой руки⁹³. После этих событий Алексей Мишурин повысил свой статус: в первом десятилетии XVII в. он занимал пятую позицию среди выборных дворян по Коломне. Владел деревней Гридинское-Сельниково с деревнями в волости Раменке Коломенского уезда, которую продал Ивану Годунову⁹⁴.

Последнее поколение рода Мишуриных представлено сыновьями Михаила и Алексея Семёновичей. Кондратий Михайлович в начале XVII в. был ещё сравнительно молодым человеком. Впервые он упомянут в боярском списке 1602/03 г. как жилец «Кондрашко Михайлов сын Мишурин»⁹⁵. Жильцами становились в основном дети выборных дворян, а сами жильцы занимали про-

⁸⁷ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 234.

⁸⁸ Там же. С. 330, 349.

⁸⁹ РГАДА, ф. 210 (Владимирский стол), д. 19, л. 12. Данные любезно предоставлены А.Н. Фроловым.

⁹⁰ *Мазурова Н.Б., Мазуров А.Б.* Указ. соч. С. 74.

⁹¹ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 83–84.

⁹² *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск, 1884. С. 380.

⁹³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 234, 276, 330, 349, 359, 372.

⁹⁴ Акты служилых землевладельцев. Т. II. М., 1998. № 168. С. 161–162.

⁹⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 260.

межуточное положение между дворянами московскими и выбором из городов (ближе к последним). Они несли придворную службу, участвовали в дворцовых церемониях и встречах послов, были посыльными от царя, собирали даточных людей, были поддатными у рынд. Через два года в поход на самозванца сборщик жилец Игнат Тютчев должен был собрать 4 человека конных «Кондрашки Михайлова сына Мишурина»⁹⁶. По-видимому, Кондратий в Смутное время принял постриг, поскольку его мать в синодичных записях после мужа поминала «убиенного инока Корнилия».

Абросим Алексеевич (последний представитель рода Мишуриных) упомянут в писцовых книгах Коломенского уезда 1626–1629 гг. как помещик и владелец родового села Горки⁹⁷. Вероятно, он умер бездетным, так как ранее 1643 г. это владение при поместной раздаче перешло к стольнику В.П. Наумову и Г.Г. Пушкину. В 1646 г. Горками владела уже вдова первого Екатерина Васильева Наумова с детьми Федором и Михаилом⁹⁸.

Откуда родом были Мишурины? Лихачёв, основываясь на упоминании И.Ф. Большого Мишурина в Тысячной книге по Москве, полагал, что Мишурины происходили из Москвы и имели поместья или вотчины близ столицы ещё до 1550 г.⁹⁹ Последнее несомненно, но это не достаточное основание для определения происхождения. Значительно ближе к истине оказался Кобрин, полагавший, что Мишурины были коренным коломенским родом¹⁰⁰. Чтобы обосновать этот вывод, надо локализовать их старые вотчины, восходившие к владениям рубежа XV–XVI вв. Земли Мишуриных находились в основном в Раменке – коломенской волости, расположенной в Западной Мещёре (левобережье Оки ниже Коломны) и впервые упомянутой в 1389 г. во втором завещании Дмитрия Донского. Можно думать, что волость возникла в 1370–1380-е гг.¹⁰¹ Кажется далеко не случайным то обстоятельство, что родоначальник Мишуриных жил именно в конце XIV – начале XV в. Вероятно, тогда же он получил пожалование от великого князя в этой лесистой и слабонаселённой части Московского княжения. Потомки Мишуры упорно осваивали земли по реке Цне и её притоку Устыни, ставили новые деревеньки и починки. К XVI в. они стали довольно состоятельными людьми. Ядро их родовых владений уверенно определяется на основании писцовой книги Коломенского уезда 1577/78 г. Старыми вотчинами именуется деревня Гридинское-Сельниково с 1,5 сельцами, 31 деревней, 3 починками и 4 пустошами, а также село Старое-Должниково с 17 деревнями. Там же они владели селом Горки с 9 деревнями и починками. Это и было родовое гнездо Мишуриных, включавшее 3 больших поселения и 57 деревень – целую средневековую волость. Все крупные пункты сохранились до наших дней (Горки и Сельниково Коломенского района и Старое Егорьевского района Московской области) на правом берегу Цны. Они образуют треугольник с расстоянием между ними около 4 км. Особенностью этих владений были малое плодородие мещёрских почв (а значит и низкая доходность земледелия), которое компенсировалось развитием

⁹⁶ Там же. С. 401.

⁹⁷ Добролюбов И. Указ. соч. С. 380.

⁹⁸ Смирнов В.И. Мы – егорьевцы. Кн. 2. М., 2003. С. 147–148. Данные о раздаче в поместье села Горки предоставлены А.В. Шатохиным (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, д. 9278, л. 90).

⁹⁹ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 140.

¹⁰⁰ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 50–51, 107.

¹⁰¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 78.

заготовок сена на лугах и богатством лесных массивов с соответствующими промыслами.

К этим родовым владениям добавлялись пожалования центральной власти. У Анны, жены Фёдора Мишурина была пожалованная царём из поместного фонда вотчина в Раменке. Кроме того, в Большом Микулине стане им принадлежало село Хорошово (судя по названию, оно было куплено в первой трети XVI в. у Хорошевых), а в волости Мезынке – сельцо Омирево с лугами по р. Москве. Прикупленные вотчины Мишуриных известны также в Унженском стане Муромского уезда (сельцо Спасово и село Покровское), в Каменском стане Переяславль-Рязанского уезда (деревня Сажнева). Поместья зафиксированы в Коломенском уезде (деревня Копьево в Маковском стане), Радонеже, Шеренском стане Московского уезда, Вологде и Медыни.

Служба в государственном аппарате (в дьяках) принесла Мишуриным состояние. Об этом свидетельствуют крупные денежные, вещевые и земельные вклады в московский Богоявленский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и коломенский Старо-Голутвин (родовой для Мишуриных) монастыри. Мишурины жили на широкую ногу. В своих родовых вотчинах они даже пожаловали настоятелям приходских церквей сёл Горки и Кочема деревеньки «на прокорм», что было явлением довольно редким, характерным лишь для представителей очень знатных и богатых семей. В Горках они отстроили настоящий деревянный храмовый комплекс: шатровый холодный трёхпрестольный Никольский храм и шатровый тёплый храм во имя св. Дмитрия Прилуцкого. Сохранилось предание XIX в. о том, что иконостас храма в Горках был привезён из Успенского собора Московского кремля¹⁰². Можно предположить, что кто-то из дворцовых дьяков (Василий Обрюта или Игнатий Дурак Мишурины) поспособствовал приобретению соборного комплекта икон и поместил его в церкви своего родового села.

В конце XVI – начале XVII в. родовые земли Мишуриных стали стремительно таять. Последние их представители попали в долги и вынуждены были продавать наследственное достояние. Ещё Н.П. Лихачёв заметил, что в бунташном столетии «Мишурины уже не появляются на арене общественной деятельности», и верно указал последнего их представителя. Однако его предположение о том, что они стали писаться Мичуриными, ничем не обосновано. Это два разных рода¹⁰³.

Таким образом, род Мишуриных существовал более двух веков и имел интересную социальную историю. Вначале это были военные слуги великокняжеского двора, которые впоследствии опустились в нижние страты провинциального дворянства. Возвышаться начали сразу все пять братьев Михайловичей при Василии III, прослужив в подьячих и дослужившись до дьяков. Это обеспечило им и их сыновьям представительство в политической элите Российского государства примерно на полвека. Всего из Мишуриных вышло семь дьяков (в том числе один думный и «великий», один руководитель приказа) и один подьячий. Прочие Мишурины служили «в выборе» уездных

¹⁰² Добролюбов И. Указ. соч. С. 380; Пэнэжско О. Храмы г. Коломны и окрестностей. Владимир, 2006. С. 374. Иконостас Успенского собора Московского кремля XIV–XV в. был, по преданию, передан в Коломенский Успенский собор, а уже оттуда в село Горы. Известно, что собор в Коломне перестраивался в XVI в. Тогда же, видимо, обновлялось убранство, и старые иконы могли быть переданы в храм родового гнезда Мишуриных.

¹⁰³ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 176.

дворянских корпораций, жильцами, в дворовых детях боярских. Два самых выдающихся представителя (Фёдор Михайлович и его сын Семён) окончили свою жизнь на плахе, сгинув в политической борьбе своего времени. В 1630–1640-х гг. род Мишуриных пресёкся.

Приложение

Родословная Мишуриных¹⁰⁴

Первое колено

1 Мишура – основатель рода, конец XIV – начало XV в. (?)

Второе колено

1/1 Фёдор – вольный слуга (дворовый сын боярский) Василия II, убит под Белёвом в 1437 г.

Третье колено

1/1/1 NN – вторая треть – конец XV в.

Четвертое колено

1/1/1/1 Михаил – сын боярский, последняя треть XV в. – начало XVI в., имел жену Ирину

Пятое колено

1/1/1/1/1 Фёдор – в дворцовых дьяках с 1524 по 1538 гг., думный «великий» дьяк с 1533 г., убит по приказу Шуйских 21 октября 1538 г., жена Анна-Акилина

1/1/1/1/2 Василий (в иночестве Варсонофий) Обрюта – дьяк в 1530–1549 гг., принял постриг в Голутвинском монастыре Коломны, жена Евдокия

1/1/1/1/3 Игнатий Третьяк Дурак (в иночестве Исаия) – дьяк в 1532–1546 гг., принял постриг в Голутвинском монастыре Коломны

1/1/1/1/4 (?) Андрей, дьяк в 1536–1539 гг.

1/1/1/1/5 Темир, дьяк в 1537 г., умер ранее 1546 г.

Шестое колено

1/1/1/1/1/1 Алексей – подьячий в октябре 1537 г.

1/1/1/1/1/2 (?) Фёдор (?) – дьяк в 1540 г.¹⁰⁵

1/1/1/1/1/3 Иван Большой – тысячник по Москве и дворовый сын боярский в середине 1550-х г., в опричнине испомещён под Вологдой, постригся под именем старца Ионы до февраля 1572 г.

1/1/1/1/1/4 Семён – дворовый сын боярский, в опричнине испомещён под Вологдой, городской опричный дьяк на Торговой стороне Новгорода, затем дворцовый дьяк, в 1573/74 г. глава Ямского приказа, казнен в 1576 г.

¹⁰⁴ Цифровой шифр позволяет легко определить ветвь рода. Например, представитель седьмого колена «1/1/1/1/4/2 Михаил» был вторым (последняя цифра шифра) сыном Семёна (1/1/1/1/4), имел деда Фёдора (1/1/1/1) и прадеда Михаила (1/1/1).

¹⁰⁵ *Капитанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 207 (грамота 1523 г. была заверена 19 марта 1540 г. дьяком Фёдором Мишуриным, т.е. в то время, когда Фёдор Михайлович был уже казнён. Если это не ошибка в дате, здесь надо видеть ещё одного дьяка из Мишуриных. Возможно, он был сыном «великого дьяка». В пользу этого предположения можно указать, что в синодиках в роде Мишуриных поминаются 3 Фёдора).

1/1/1/1/1/5 Иван Меньшой – дворовый сын боярский, опричник, в выборе по Медыни в 1576/77 г., гонец в 1588/89 г. в Крым и на Донец

1/1/1/1/2/1 Семён Обрютин – дьяк в 1547 г., дворовый сын боярский по Москве

Седьмое колено

1/1/1/1/1/3/1 дочь NN – замужем за Третьяком Корсаковым

1/1/1/1/1/4/1 Семён – родился около 1560 г., неслужилый новик, дворовый сын боярский в 1577 г., в 1578 г. убит под Кесью, жена Марья

1/1/1/1/1/4/2 Михаил – родился около 1560 г., неслужилый новик, дворовый сын боярский в 1577 г., жена Анна Ивановна Исленьева

1/1/1/1/1/4/3 Алексей – землевладелец Коломенского уезда

Восьмое колено

1/1/1/1/1/4/2/1 Кондратий (в иночестве Корнилий?) – землевладелец Коломенского уезда, жилец, умер до 1621/22 г.

1/1/1/1/1/4/3/1 Абросим – землевладелец Коломенского уезда в 1626–1629 гг.

Вологодские винокуры в XVII веке

Михаил Булгаков

Монополия государства на изготовление и продажу хмельных напитков с конца XV в. исключала их производство на реализацию частным образом. Кормчество во всех проявлениях жестоко пресекалось и наказывалось. Населению лишь при известных обстоятельствах – крестинах, свадьбах, поминках и т.п. разрешалось производство хмельного питья для домашнего употребления. С лиц, предъявляющих определённый объём хлеба и мёда для производства браги, пива и хмельного мёда кабацкими целовальниками брались строго регламентированные пошлины; такое оплаченное «явочное питьё» разрешалось пить только три дня. Представителям элитного купечества и людям, выбранным на службу в казённые заведения и «учинившим прибыль государю», в порядке поощрения разрешалось «курить вино» и варить пиво «на себя», а не на продажу. Этим правом пользовались светские и духовные феодалы, когда изготовленное ими «питьё» служило натуральной оплатой наёмным работникам у них в хозяйстве¹.

В массовых исторических источниках – дозорных, писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв., где упоминаются разные ремесленные специальности посадских людей, почти не встречаются пивовары и винокуры, а если и встречаются, то в качестве бедных людей, наёмных работников. Так, в дозорной книге Вологды назван лишь один такой человек – Якунька винокур, у которого

© 2013 г. М.Б. Булгаков

¹ РГАДА, ф. 396 («Столбцы Оружейной палаты»), оп. 1, ч. 25, д. 38498, л. 177; Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 214; *он же*. Кормчество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2008. С. 1076–1077.